

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2021.55.60.002

Проблемы эскалации политического экстремизма в отечественных и зарубежных исследованиях

Майстренко Григорий Александрович

Кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

Аннотация

В статье акцентируется внимание на проблемах поиска четкой терминологии понятия «политический экстремизм». Автор говорит об основных проблемах предупреждения экстремизма с учетом как международного, так и отечественного опыта. Анализируются ключевые причины возникновения этого явления, исходя как из теоретического осмысления его определения, так и из практики его внедрения. Отмечается тревожная тенденция увеличения экстремистских политических акций, оказывающих пагубное воздействие на российскую общественно-политическую жизнь. Подвергается критике «политика двойных стандартов» со стороны ряда зарубежных государств, которая фактически покровительствует такого рода преступным проявлениям. Рассматриваются отдельные вопросы противодействия экстремистским проявлениям в современной России. Указывается на важность обеспечения со стороны государства и широкой общественности нетерпимого отношения к любым проявлениям экстремизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Майстренко Г.А. Проблемы эскалации политического экстремизма в отечественных и зарубежных исследованиях // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 1А. С. 8-15. DOI: 10.34670/AR.2021.55.60.002

Ключевые слова

Экстремизм, радикализм, терроризм, национальная безопасность, Россия.

Введение

Политический экстремизм понимается как склонность к крайним действиям и идеям. На практике его основные формы реализации (метод и идея) присущи любой политической системе: ведь даже в тоталитарных режимах наблюдается определенное разнообразие проявлений политического поведения, соответственно, наиболее удаленные от приемлемых моделей логично считать крайними, т. е. экстремистскими. Поэтому цель исследования – не столько выявить причины возникновения, сколько обозначить проблемные точки эскалации политического экстремизма, опираясь на отечественную и зарубежную доктрину.

Проблема анализа указанной проблематики заключается в том, что линейная зависимость между конкретными причинами и проявлениями экстремизма неоднозначна. Даже в один и тот же период причины экстремизма по-разному воспринимаются исследователями. Если взять отечественные условия, то, например, П.Е. Родькин считает, что условия для существования политического экстремизма в России уже сложились [Родькин, 2015], а А.В. Петрянин указывает на отсутствие масштабного и явно выраженного заказа на подобную политическую деятельность [Петрянин, 2017].

Основная часть

Отечественные и зарубежные исследователи ищут причины политического экстремизма в социально-экономических или политических процессах и явлениях. К факторам, которые порождают экстремизм в обществе, относятся социально-экономические кризисы, деформации политических структур, падение жизненного уровня значительной части населения, подавление властью оппозиции и инакомыслия, национальное угнетение, амбиции лидеров политических партий и социальных групп и др. М. Брюкнер и Х.П. Грюнер считают, что существует определенная зависимость от экономических факторов: однопроцентное снижение экономического развития приводит к однопроцентному увеличению поддержки крайне правых и националистических партий [Grüner, Brückner, www].

Однако, как показывает практика, даже одновременное влияние социально-экономических и политических факторов не приводит к автоматической эскалации политического экстремизма. «И в публицистике, и в научной литературе, – указывает Э.А. Паин, – распространены попытки напрямую связать рост политического экстремизма с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем отдельных региональных, этнических или религиозных групп. Но ни исторические примеры, ни специальные исследования не подтверждают подобных предположений» [Паин, 2002, 84]. Социальные, экономические и политические кризисы не всегда вызывают экстремистское поведение. Поэтому эти составляющие не всегда являются ключевыми в возникновении экстремизма, они могут предшествовать формированию экстремистского поведения, однако не обязаны быть факторами его возникновения.

Важную роль в формировании экстремистских проявлений играет так называемый политико-психологический компонент. Как указывает Т. Гарр, «именно люди – со всеми их разнообразными идеями, желаниями и убеждениями – должны быть центром анализа конфликта» [Гарр, 2004, 31]. Такое же мнение, но с необходимостью учета социальных предпосылок высказывал и Дж. Актон: «Хотя угнетение может снова и снова вызывать яростные вспышки насилия... оно не способно сформировать надежной цели и наметить пути обновления, если осознание существующего зла еще не объединилось с новым представлением

о счастье» [Актон, 2002, 26]. Обобщает такую позицию Э.А. Паин, делая вывод о том, что «сами по себе инерционные процессы способны лишь создать предпосылки для экстремизма. Превращение его в идеологию и политическую практику – это всегда дело рук людей и групп» [Паин, 2002, 88]. Таким образом, исследования указывают на значительно более сложный механизм экстремизма, чем простая причинно-следственная связь между определенными составляющими общественно-политической жизни.

Ученые пытаются акцентировать внимание на многогранности причин эскалации политического экстремизма. Так, Дж. Актон выделяет несколько типов факторов для возникновения экстремизма: «Первый – это торможение движения общества навстречу интересам социально-обделенных общественных страт или их игнорирование. Во втором случае это возможно тогда, когда общественной дестабилизации желают влиятельные внутренние политико-экономические круги. Возможен также третий вариант, вызванный провокацией социальной нестабильности и экстремизма из внешнего окружения национального социума при отсутствии адекватного противодействия его проявлениям на государственном и общественном уровне» [Актон, 2002, 49].

Поскольку сложно позиционировать причины эскалации политического экстремизма, ученые пытаются систематизировать их путем широкого обобщения. Высказывается мысль о том, что любая разница между людьми может стать причиной конфликтов между ними. Но социальные проблемы вызывают дифференциацию перманентного характера. Поэтому разница между людьми не может рассматриваться как причина экстремизма, а следовательно, и самоорганизации социума, что ведет к учреждению института государства – института, который, по утверждению Т. Гоббса, должен был остановить войну всех против всех: «Пока люди живут без общей власти, которая бы держала их всех в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно войной всех против всех» [Гоббс, 1989, т. 1, 95]. Этот вывод ученого дает основания утверждать, что потеря власти может привести к дерегуляции управления обществом и сформировать основания для социально-политических конфликтов.

Единственный путь к утрате властных полномочий в обществе – это потеря его носителем легитимности, т. е., как утверждал Т. Парсонс, способности власти выполнять роль обобщенного средства мобилизации обязательств в пользу коллективного функционирования [Парсонс, 1972]. При таких обстоятельствах не важно, каким путем была утрачена легитимность – полным свержением действующей элиты путем ее устранения от государственных дел или потерей ею морального обоснования представлять интересы общества.

Потеря легитимности государственной власти как один из ключевых факторов возникновения политического экстремизма дает возможность объяснить, почему это явление получило распространение в обществах, которые объявили демократические ценности своими ориентирами. Именно при демократии, как утверждает М. Вебер, происходит рационально-легальное обоснование легитимности государственной власти. При демократических политических режимах потеря способности представлять интересы всего народа является потерей деловой компетенции государственной власти, а также рациональным обоснованием для экстремизма как действий, направленных на реализацию именно тех провозглашенных прав, которые не в состоянии решить политическая элита.

Явление политического экстремизма «особенно заметно в обществах, вступивших на путь трансформации, и таких, которые концентрируются в маргинальных слоях общества» [Паин,

2002, 84]. Социально-экономические проблемы таких периодов осложняются и конфликтами поколений. Как пишет И.Н. Сенин, «взрыв экстремизма, который происходит сейчас, обусловлен ломанием стереотипов, которые складывались веками» [Сенин, 2008, 79].

В периоды изменений активизируется фактор расслоения общества, когда разрыв между богатыми и бедными резко возрастает, формируя негативное отношение одной группы к другой. Быстрое и во многом рационально не обоснованное обогащение отдельных членов общества вызывает распространение в обществе настроений фрустрации, которые в итоге приводят к политическому и правовому нигилизму, соответственно, происходит отчуждение политической практики от приемлемых моделей поведения.

Важным в эскалации проявлений экстремизма считается распространение в обществе «черно-белого» (бинарного) мировосприятия [Парсонс, 1972]. Этот признак в большей степени приемлем для позиционирования экстремистов в условиях компромиссной демократии, тогда как в авторитарных обществах, как правило, сформированных на принципах перманентности внешней угрозы, бинарное мировосприятие является нормой, а соответственно, и не может содержать в себе признаков экстремизма с точки зрения участников этой политической системы (например, нацистская Германия, Италия при Муссолини). Свойственно черно-белое мировосприятие и сегодняшнему так называемому западному демократическому миру по отношению не только к политическим экстремистам, но и к «потенциальным носителям экстремизма» – исламистам, коммунистам, националистам и т. д.

Если бинарное мировосприятие наблюдается в отдельных группах, в частях целого (например, в одной политической системе), то его можно считать причиной эскалации экстремизма, поскольку такое мировосприятие отрицает право остальной части целого на собственную позицию и легитимизирует использования всех методов для доказательства собственной правоты. Л.В. Баева отмечает, что «формирование установки на агрессию по отношению к другим политическим взглядам происходит в том случае, когда человек привык некритично относиться к своим взглядам и поступкам и считает себя несравнимо выше других» [Баева, 2008, 22-23].

Ни одно общество не может быть полностью защищенным от экстремизма. Проявления экстремистского поведения наблюдаем, например, среди футбольных фанатов и антиглобалистов, среди верующих и представителей музыкальных течений. В целом угроза экстремизма возникает в любой ситуации, когда людей можно по какому-то важному для них признаку поделить на «своих» и «других», при этом действия «других» будут производить впечатление опасности для «законных» интересов «своих».

Любая разница между людьми может при тех или иных условиях стать причиной конфликта между ними. Одним из возможных путей разрешения конфликта является агрессия одной из сторон в отношении другой. Эта агрессия может приобретать жесткие и неприемлемые формы. Искать рациональную основу экстремистских действий бессмысленно, поскольку в основе экстремизма лежат эмоции и конформизм. Следовательно, истоки экстремизма – в самой человеческой сущности. Не понимать этого – значит не лечить болезнь, а еще больше развивать ее. Чтобы понять и обезвредить механизмы эскалации экстремизма, следует признать, что проявляется он лишь в отношении «иных». Таким образом, мы имеем дело с проблемой эффективного управления межкультурными отношениями, направленного на достижение наилучших результатов для всех заинтересованных сторон. Современное общество должно осознать, что «разнообразие» является нормальным состоянием человечества, одним из важнейших источников его развития. Попытка уничтожить «разнообразие» – одна из самых

ужасных ошибок любого общества. Содействие «разнообразию» и его защита позволяют достичь подъема этого общества.

Т. Гарр, исследуя вопросы связи фрустрации и насилия, обнаружил следующую зависимость: «чем сильнее фрустрация, тем больше величина агрессии, которая направлена на источник фрустрации» [Гарр, 2004, 47]. Представляется, что такая прямая зависимость несколько примитивизирует причины эскалации экстремизма, однако необходимо учесть и то, что «негативные стереотипы и быстрее усваиваются, и труднее поддаются изменениям. На психологическом уровне агрессия доступнее для понимания, чем миролюбивое отношение и толерантность» [Баева, 2008, 23].

Исследования показывают, что в межкультурных отношениях имеет место одна из четырех позиций: доминирование, ассимиляция, дивергенция или синтез. Ассимиляция проявляется в отказе от собственной культуры в пользу другой, дивергенция – в чрезмерном внимании к имеющемуся межкультурному различию, а синтез – в способности конструктивно воспринимать достижения других культур, что способствует развитию собственной. Позиция доминирования заключается в ориентации на собственные ценности, игнорировании особенностей других культур, навязывании их представителям собственных ценностей. Именно эта довольно распространенная позиция является источником политических конфликтов и экстремизма. По мнению специалистов, такая позиция присуща около 30% представителей любой группы людей. В своей основе позиция доминирования выполняет для такой группы полезную функцию: она сохраняет стабильность ее ценностей и норм поведения. К сожалению, некоторые люди могут не чувствовать разумных границ в защите собственных интересов. Такие люди искренне оправдывают свою экстремистскую поведение благородством цели, которой они якобы стремятся достичь. С математической точностью можно утверждать, что в своих действиях они наткнутся на сопротивление таких же представителей других культур, которые не будут гнушаться никакими средствами для защиты своих интересов. Конфликт между этими «культрас» может приобрести очень воинственные формы и охватить более умеренных граждан.

К счастью, количество «экстремистски» настроенных людей в любом социуме сравнительно невелико, а организационно-экономические барьеры сдерживают их от агрессивных проявлений. Но следует иметь в виду, что экстремизм превращается в социальную эпидемию, если для этого существуют подходящие условия: отсутствие общественного диалога и страх у людей, который провоцирует неадекватное, агрессивное поведение. Отсутствие диалога способствует накоплению стереотипов и усиливает испуг людей перед неизвестным. Страх людей, неуверенность в будущем провоцируют неоправданно нервную реакцию даже на нейтральные события или высказывания других людей из окружения. Если же в дестабилизации ситуации в обществе заинтересованы те или иные политические или мультиполитические силы, способные оказывать «спонсорскую» помощь экстремистам, то ситуацию можно назвать взрывоопасной.

Чтобы снизить угрозу политического экстремизма, необходимо иметь в виду, что попытки «воспитания» людей, занимающих позицию доминирования в межкультурных коммуникациях, неэффективны, особенно если это воспитание сводится к прямолинейным уговорам отказаться от собственных ценностей и перенять ценности другой культуры. Борьба с экстремизмом его же методами обостряет экстремизм еще больше.

Всплеск политического экстремизма провоцируют и «фейковые» (недостоверные) новости, которые зачастую исходят от недобросовестных средств массовой информации, интернет-ресурсов т. д. В политической жизни они стали выступать как инструменты информационной

борьбы. Крайне важно, чтобы разного рода информация доводилась до населения в объективном ключе и с максимально возможной достоверностью и необходимыми логическими разъяснениями [Рыжов, 2018, 9]. Надо отметить и пагубное влияние «двойных стандартов», которые зачастую присутствуют в риторике государственных и политических деятелей – как российских, так и представителей зарубежных стран. Политические разногласия между государствами и их лидерами не должны играть на руку нечистоплотным деятелям от публичной политики.

Заключение

В России прочную правовую основу борьбы с политическим экстремизмом составляют Конституция РФ, федеральные законы и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации¹.

Социально ответственным политикам стоит избегать соблазна разжигать экстремизм ради своих политических интересов. К сожалению, это предложение является несколько идеалистичным, поскольку политики тоже становятся жертвами социальных эпидемий, в данном случае это эпидемия использования соответствующей манипулятивной политической технологии. Глядя друг на друга, политики копируют поведение, которое приносит хотя и временный, но успех. Следовательно, рассчитывать скорее надо не на совесть политиков, а на средства массовой информации и общественных деятелей, способных давать соответствующую оценку опасным политическим проектам.

Помимо уголовной ответственности, отдельным российским политикам надо бы напоминать и о Международном трибунале, который способен осудить наиболее одиозных среди них за преступления против мира и человечности, так как в современном мире любая общественно-политическая деятельность должна соотноситься с международно-правовыми стандартами². Возможно, общественным структурам стоит подумать о проекте мониторинга публичных политических заявлений, которые способствуют разжиганию неприязни и экстремизма. С другой стороны, способствовать уменьшению экстремистских настроений в обществе можно путем создания дружественной среды для всех его граждан и поддержания межкультурного диалога. При этом важно обеспечить со стороны государства и широкой общественности нетерпимое отношение к любым проявлениям экстремизма.

Библиография

1. Актон Дж. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 26-51.
2. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3. С. 21-25.
3. Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
4. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 623 с.
5. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.

¹ См., например, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.».

² См., например, Всеобщую декларацию прав человека, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью и Конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

6. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
7. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
8. Елагина А.С. Согласительные процедуры при распределении полномочий между федеральными и региональными уровнями власти: опыт США // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 12А. С. 137-143.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.
10. Паин Э.А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма // Материалы международного симпозиума «Куда идет Россия?». М., 2002. С. 81-94.
11. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс, 1972. С. 360-378.
12. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование. М.: Проспект, 2017. 335 с.
13. Родькин П.Е. Революция потеряла цвет: «цветные революции» 2004-2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М.: Совпадение, 2015. 115 с.
14. Рыжов В.Б. Информационная безопасность в государствах Европейского союза: к постановке проблемы // Представительная власть – XXI век. 2018. № 4. С. 8-12.
15. Сенин И.Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2. С. 78-81.
16. Grüner H.P., Brückner M. The OECD's growth prospects and political extremism. URL: <http://www.voxeu.org/index.php?q=node/5047>

The problems of the escalation of political extremism in domestic and foreign research

Grigorii A. Maistrenko

PhD in Law,
Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: G.Maistrenko@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the problems of finding clear terminology for the concept "political extremism". It deals with the main problems of preventing extremism, taking into account both international and domestic experience. The author of the article makes an attempt to carry out an analysis of the key causes of this phenomenon on the basis of both the theoretical understanding of its definition and the practice of its implementation. There is an alarming trend of increasing extremist political actions that have a detrimental impact on the socio-political life in Russia. The article criticizes the "policy of double standards" followed by a number of foreign states, which actually patronizes such criminal manifestations and considers a number of issues related to countering extremist manifestations in modern Russia. The author comes to the conclusion that public organizations should consider the development of a project aimed at monitoring public political statements that promote hostility and extremism. On the other hand, it is possible to reduce extremist sentiments in society by creating a friendly environment for all its citizens and maintaining an intercultural dialogue. The author points out the importance of ensuring that the state and the general public do not tolerate any manifestations of extremism.

Grigorii A. Maistrenko

For citation

Maistrenko G.A. (2021) Problemy eskalatsii politicheskogo ekstremizma v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh [The problems of the escalation of political extremism in domestic and foreign research]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (1A), pp. 8-15. DOI: 10.34670/AR.2021.55.60.002

Keywords

Extremism, radicalism, terrorism, national security, Russia.

References

1. Acton J. (1996) Nationality. In: *Mapping the nation*. Verso. (Russ. ed.: Acton J. (2002) Printsip natsional'nogo samoopredeleniya. In: *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praxis Publ., pp. 26-51.)
2. Baeva L.V. (2008) Ekstremizm: priroda i formy proyavleniya [Extremism: the nature and the forms of manifestation]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 3, pp. 21-25.
3. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
4. Elagina A.S. (2018) Doktrinal'nyye osnovaniya prav lichnosti v mezhdunarodnom prave: poisk novoy paradigmy [Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (9A), pp. 282-287.
5. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
6. Elagina A.S. (2018). Soglasitel'nyye protsedury pri raspredelenii polnomochiy mezhdur federal'nymi i regional'nymi urovnymi vlasti: opyt SSHA [Conciliation procedures in the distribution of powers between the federal and regional levels of government: the US experience] *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (12A), pp. 137-143.
7. Grüner H.P., Brückner M. *The OECD's growth prospects and political extremism*. Available at: <http://www.voxeu.org/index.php?q=node/5047> [Accessed 04/12/20].
8. Gurr T. (1970) *Why men rebel*. (Russ. ed.: Gurr T. (2004) *Pochemu lyudi buntuyut*. St. Petersburg: Piter Publ.)
9. Hobbes T. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
10. Pain E.A. (2002) O roli formal'nykh i neformal'nykh institutov v eskalatsii ekstremizma i terrorizma [On the role of formal and informal institutions in the escalation of extremism and terrorism]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Kuda idet Rossiya?"* [Proc. Int. Symp. "Where is Russia going?"]. Moscow, pp. 81-94.
11. Parsons T. (1972) Obshchii obzor [A general overview]. In: *Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy. Problemy. Metody* [American sociology. Prospects. Problems. Methods]. Moscow: Progress Publ., pp. 360-378.
12. Petryanin A.V. (2017) *Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research]. Moscow: Prospekt Publ.
13. Rod'kin P.E. (2015) *Revolyutsiya poteryala tsvet: "tsvetnye revolyutsii" 2004-2014: gumanitarnyi i kommunikatsionnyi fenomen voiny novogo tipa* [The revolution has lost color: the "color revolutions" of 2004-2014: the humanitarian and communication phenomenon of the new type of war]. Moscow: Sovpadenie Publ.
14. Ryzhov V.B. (2018) Informatsionnaya bezopasnost' v gosudarstvakh Evropeiskogo soyuza: k postanovke problemy [Information security in the European Union: the problem statement]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek* [Representative power – the 21st century], 4, pp. 8-12.
15. Senin I.N. (2008) Ekstremizm: ponyatie i vidy [Extremism: the concept and types]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika* [Innovative education and economics], 2, pp. 78-81.
16. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2008) Molodezhnyi ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya [Youth extremism. The essence and features of the manifestation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 5, pp. 37-47.